

Я представлю счастье... Я уже вижу его...

А. Г. Г. Г.

ЕГО ГЛАЗАМИ

В рассказах Чехова нет ничего такого, чего бы не было в действительности. Страшная сила его таланта в том, что он никогда не выдумывает от себя, не изображает того, чего нет на свете.

М. Горький.

... Заснеженный маленький домик с низкими потолками. Здесь родился великий писатель — гордость и слава русского народа. Отсюда Чехов выходил в мир и познавал окружающую его действительность. Из этого домика шагнул он в свою первую школу.

... В небольшую классную комнату набилось до семидесяти учеников всевозможных возрастов. И один только учитель на всех — грек Николай Спиридонович Вуцинас.

Зубрили до изнеможения греческий и знали его так же плохо, как и русский. Впрочем, как ни безграмотны были учившиеся здесь дети греков-скиперов, они все же знали больше присутствовавших на торжественных экзаменах «почетных гостей» — школьных судей, едва умеющих нацарапать свое имя на скиперском документе.

Уже в раннем детстве Чехов понимал весь ужас бескультурья. Он чувствовал, что во всем Таганроге, как и в этой церковно-приходской школе, жизнь приводится в движение не любовью и доверием человека к человеку, а страхом. От этого кошмара хотелось бежать...

Куда?..

Театр был его любимым местом отдыха. Но и здесь многое напоминало о действительности. Обыватели в театре вели себя так же, как и дома. Стенла керосиновых ламп за сценой лопались, как и в лавке отца, треск их слышался на самой галерке. Освещение театра было таким же скудным, как и на улицах города.

... На неуклюжем деревянном столе прибит в форме буквы «Г» небольшая перекладная, на конце которой висит четырехугольный засаленный фонарь. Дно его открывается книзу, внутри висит грязная железная лампа, с изогнутыми вверх тремя рогами. В них вставлены фитили. И это — роскошь! Только у присутствующих мест и у домов начальствующих лиц стоят такие

фонари. Большинство улиц и площадей утопает во тьме.

... Иногда до наступления сумерек будущий писатель уходил к морю — любоваться заливом, поудить бычков. Но и здесь отдых не был полным. Мальчик задумывался. Вот сейчас, спускаясь в порт с крепостного вала, он споткнулся обо что-то, глянул под ноги и увидел печную трубу. Прошел еще несколько шагов и услышал крик из-под земли: — Кого там черти по крыше носят!

Так вот оно знаменитое «пещерное» население, о котором говорят в городе! Как, должно быть, много болезней у этой бедноты, живущей в ужасающих антисанитарных условиях... Как, должно быть, мало хлеба у них...

А рядом иностранные парусники увозят из порта хлеб, сырые

надцатого века, для того, чтобы Чехов увидел здесь социальные пороки своего времени, моральную опустошенность людей, нашедших изображение в его бессмертных произведениях, нарисовал людям «позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыващины». Вичуя мещанское благодушие, лень, раболепие, пошлость, Чехов не примирял читателя с этой мерзкой действительностью, а заставлял верить в возможность и необходимость других, справедливых социальных форм жизни, других — честных человеческих отношений.

В жизни «какая должна быть» писателю хотелось видеть родной Таганрог, всю страну. И разве его вечные вопросы в письмах об ожидавшемся таган-

рогском водопроводе не преследуют ту же патристическую цель, что и его книги!

Но водопровод был обещан, а купцы Петриченко долго еще торговали водой и наживали миллионное состояние. Поговаривали о дополнительном освещении, но уличных фонарей все же было меньше, чем городских. Мечтали о железной дороге, но дело не подвигалось и после поездки в Москву таганрогского ходатая писателя Н. В. Кукольника. «Творил» мостовой комитет, но извозчики опасливо об'езжали выложенные плиты, которые при малейшем прикосновении выпадали из ячеек.

И только теперь, в годы советской власти, мы, земляки великого писателя, жители социалистического Таганрога, могли бы утешить его:

— Есть у нас и водопровод, и железная дорога, и школы, и библиотеки, и музеи, улицы чистые и ярко освещенные. Много интересного, нового в нашем городе!

... Если бы Чехов зашел сегодня в здание гимназии, где некогда учился, он увидел бы за партами, к которым в его времена учитель подходил лишь затем, чтобы отскатать за уши ученика, — не запуганных мальчуганов, учившихся кое-как, без серьезной помощи школы, а счастливых советских ребят.

Свыше 700 учителей обучают 23.444 таганрогских школьников!

Если бы Чехов мог взглянуть на места своих прежних прогулок, он не увидел бы больше пустыря за столбами шлагбаума. За вокзалом раскинулся новый город с заводами-гигантами. Котлостроительный завод «Красный котельщик» выпускает сверхмощные котлы высокого давления, обеспечивающие городам страны электрическое сияние. Металлургический завод имени Андреева посылает во все концы Родины сталь, прокат, железнодорожные бандажки, буровые трубы для добычи нефти. Таганрогские кожевники выпускают свою продук-

цию уже не для барышей иноземных капиталистов-монополистов, а для потребностей трудящихся нашей великой Отчизны. А если в порту нагружаются суда, то это уже не иностранные парусники, а советские теплоходы, и имена у них русские — «Николай Морозов», «Иван Голубец» — и если они везут товары за границу, то не врагам своим, как бывало раньше, а друзьям, которых так много теперь у твоей любимой России, дорогой Антон Павлович!

А чтобы ответ был полным, скажем и о водопроводе. Сеть его в Таганроге составляет теперь линию протяжением в сто километров.

«ВСЯ РОССИЯ — НАШ САД»

О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет!

А. Чехов.

Но если мы ограничимся рассказом о социалистическом Таганроге, то это все же не составит полного ответа на благородные патристические мечты нашего любимого земляка Антона Павловича Чехова, заботившегося о судьбах всей Родины. Когда он писал о приазовской степи, то в его словах была любовь к необъятной шире всей Родины, к ее богатой природе, к жизни ее простых людей. Глазами великого жизнелюба он видел степь широкую и богатейшую еще в те годы, когда таганрогский протоиерей Покровский устраивал крестные ходы в раскаленную солнцем степь, где коленопреклоненные мещане и крестьяне под знойными лучами солнцепека, протяжно вторя духовенству, умоляли: — Дадь дождь земле жаждущей!

Какие бы слова нашел теперь Чехов для изображения советской степи, действительно богатейшей, на которой и сами люди и сделанные их руками машины стали богатырями! Герои Социалистического Труда, выросшие в сальских степях, не просят о живой и влажной, а настойчиво вызывают ее самоотверженным трудом, преобразующим природу по гениальному Сталинскому плану. Самоходные комбайны, выпущенные таганрогским заводом имени Сталина, движутся по этим богатейшим полям, заменяя труд многих сотен людей.

Машина входит в быт советских людей и в городе и в деревне, а это значит, что мы идем «вперед неуклонно к яркой звезде» — к коммунизму.

Прочно и дружно живут правда и счастье в созвездии шестнадцати равноправных республик, составляющих могучий Советский Союз.

Польша, Румыния, Чехословакия, Болгария, Венгрия, демократическая Германия, Китай — во все новых странах с народного тела смываются пятна капиталистической мерзости. А миллионы людей Индии, Индонезии, Вьетнама, Греции и других стран, вставшие на борьбу за «новую, ясную жизнь», за переход в лагерь мира и демократии, уже могут говорить словами Чехова: — Мы предчувствуем счастье... мы уже видим его!

Вот почему мы всегда называем Чехова нашим боевым спутником, нашим прогрессивным современником, слова которого не потускнели от времени, а зовут нас с новой силой по дороге преобразенной жизни вперед.

М. ВАЙСМАН.

Ответственный редактор
И. СТЕГАЧЕВ.

Заснеженный маленький домик с низкими потолками... Отсюда шагнул он в свою первую

школу.

ножки и икру красной рыбы. Чехов идет вдоль берега, читает надписи на судах: «Агисс Николаос», «Агисс Герасимос», «Мелуди-Багры», «Сан-Антонио»... — И ни одного русского названия! — досадовал он.

Поднимаясь из порта, доходит до Ярмарочного переулка, но и здесь видит только пьяных драгелей в кабаке, а на базаре — непролазную грязь...

«Пробираясь через Новый базар, я мог убедиться, как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог... Постоянное чувство неудобной лагерной жизни...»

Эти слова в одном из писем Чехова ярко характеризуют город его детских и юношеских лет. Но Чехов нашел в нем то, чего искал — он нашел в нем будущее, простых и честных людей-тружеников. Этот Таганрог он любил всей душой. «Куда бы я ни поехал — за границу ли, в Крым, или на Кавказ — Таганрог я не забуду». Об этом Таганроге он был рад заботиться, находясь уже вдали от него, в Москве: «Я счастлив, что могу хотя бы чем-нибудь быть полезен городу, которому я многим обязан и к которому я продолжаю питать теплые чувства».

Писатель нашел много хорошего в родном городе, как и во всей России. Он звал к будущему, убеждая людей, что только общими усилиями, под'емом всех дремлющих сил талантливого русского народа можно будет превратить нашу землю в цветущий вишневый сад.

— Жить на земле будет хорошо, — говорил он.

РАЗГОВОР С БУДУЩИМ

Что нового в Таганроге? Есть ли что-нибудь интересное? Будет ли водопровод?

А. Чехов.

Казалось, вся тниль эпохи русского царизма была сосредоточена в Таганроге 60—70 годов девят-

Куклы-герои чеховских произведений в Литературном музее А. П. Чехова, — вот все, что осталось от старого, дореволюционного Таганрога.

НА СНИМКЕ: Тонкий — из рассказа «Толстый и тонкий» А. П. Чехова.